

— Что тебе от меня нужно? — Сюэ Дуннин, перекинув через плечо сумку, развязной походкой подошел к стене.

Ли Цинъюй уже ждал его там.

Сюэ Дуннин приподнял веки:

— О благодарности можешь не распространяться, просто угости меня чаем с молоком.

Ли Цинъюй согласился без колебаний:

— Какой вкус хочешь?

Сюэ Дуннин ответил не задумываясь:

— Сливочно-персиковый, с сырной пенкой.

Получив желаемое, Сюэ Дуннин сделал большой глоток, и сладкий вкус персика с сыром разлился во рту:

— Что хотел узнать? Спрашивай.

Ли Цинъюй поинтересовался:

— Они тебя не притесняли?

— Нет, просто задали пару вопросов и отпустили.

— И всё?

— А чего ты еще ожидал?

Сюэ Дуннин ответил небрежно, но Ли Цинъюй знал: Чэн Вэй не из тех, кого так легко провести. Кто он такой? Лучший выпускник города А, легендарная личность А-ского университета.

От встревоженного взгляда Ли Цинъюя у Сюэ Дуннина даже мурашки побежали по коже:

— Ладно, ладно, скажу правду. Они спрашивали, зачем я купил ту штуку.

Ли Цинъюй напрягся:

— И что ты ответил?

— Сказал, что для себя.

— Для себя?

Рост Ли Цинъюя был сто семьдесят девять сантиметров, а Сюэ Дуннин был даже выше — на глаз около ста восьмидесяти трех. У него была солнечная внешность и довольно жесткие черты лица, и он совсем не походил на омегу, которому могли понадобиться ингибиторы, да еще и со специфическим действием.

Сюэ Дуннин покраснел под его пристальным взглядом и раздраженно взъерошил волосы:

— Что, нельзя? Кто из нас не симбионт, в конце концов.

Ли Цинъюй вспомнил, что в школе действительно была пара симбионтов, о которых долго ходили слухи. Говорили, что у того омеги в медпункте случилась течка, и только благодаря временной метке его симбионта-альфы удалось всё уладить. Он и не подозревал, что тем легендарным омегой был Сюэ Дуннин.

— А кто твой симбионт?

— Симбионт? Какой еще симбионт?! Черт! Не смей меня оскорблять! — Сюэ Дуннин вспыхнул, а потом, что-то вспомнив, поежился.

Ли Цинъюй не был любителем совать нос в чужие дела и не страдал излишним любопытством, но, узнав, что Сюэ Дуннин тоже симбионт, почувствовал к нему некую близость и успокоился. К тому же, с таким статусом покупка ингибиторов на черном рынке выглядела вполне оправданно. Неудивительно, что Чэн Вэй перестал копать дальше.

Дорога от чайной до университета была неблизкой. Они шли рядом, а когда дошли до развилки, где им нужно было разойтись, Сюэ Дуннин вдруг окликнул его:

— Слушай, твой симбионт — парень что надо, да и совместимость феромонов у вас высокая, зачем скрывать? Не хочешь подумать об этом?

Ли Цинъюй медленно покачал головой.

— Есть кто-то другой? — спросил Сюэ Дуннин.

Ли Цинъюй не ответил ни да, ни нет.

Сюэ Дуннин усмехнулся:

— Чувства — такая дрянь, только жизнь портят. Но предупреждаю: эта штука хоть и снимает симптомы, но побочные эффекты у нее серьезные, не злоупотребляй. Если почувствуешь что-то неладное — немедленно в больницу, понял?

Суббота.

Благодаря остаткам феромонов Чэн Вэя, которые сохранились после их встречи, Ли Цинъюй впервые за долгое время смог нормально выспаться и восстановить силы. Гуань Ян, решив, что состояние друга улучшается, был очень доволен.

Когда он вернулся из мастерской, в общежитии было пусто.

Сюй Вэйжань заглянул из соседней комнаты за вещами — он собирался провести там всю ночь:

— О, Перышко, вернулся? Гу Линь в лаборатории, вернется не раньше двух-трех ночи. Ши Яньпин сказал, что помогает младшекурснице искать материалы в библиотеке, а Чэн Е сегодня на дне рождения Ли Цзянцзян, закатили вечеринку в баре, так что вряд ли вернется.

Ли Цзянцзян была той самой первой красавицей с факультета дикторского искусства.

— Если что-то понадобится, стучись в 403, я буду там.

Ли Цинъюй кивнул.

Когда Сюй Вэйжань ушел, Ли Цинъюй расстегнул пуговицы и обнаружил, что грудь горит огнем, а жар начинает распространяться по всему телу. Еще в мастерской он почувствовал неладное, поэтому и ушел пораньше.

В последнее время он изучил много литературы о симбионтах. По сути, это врожденное расстройство феромонной системы, и так называемый симбиоз возникает лишь тогда, когда у людей с этим расстройством высокая совместимость. Даже если вы не симбионты, пара с высокой совместимостью — лучший выбор. Хотя сейчас многие перед браком или свиданиями вслепую проверяют совместимость в специализированных центрах, но ведь полно пар, которые соединяются, не обращая на это внимания. Кто сказал, что судьбу нужно вершить, опираясь лишь на цифры?

Девять вечера — не самое людное время для гигиенических процедур. Ли Цинъюй с тазом в руках отправился в умывальную. Только закончил чистить зубы и набрал воды, как вдруг почувствовал, что кто-то подошел совсем близко. Знакомый альфа, от которого разлило алкоголем, с пьяным восторгом глубоко вдохнул воздух у самой его шеи и хрипло прошептал:

— Чем это от тебя пахнет? Так сладко.

Ли Цинъюй, даже не забрав таз, бросился назад в комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, отгораживаясь от шума, а сердце колотилось в груди, как бешеное.

Вскоре в дверь постучали. Это был тот самый альфа, который, кажется, протрезвел:

— Прости, я выпил лишнего, соображал плохо. Таз оставил у двери, заberi потом.

Когда шаги за дверью стихли, Ли Цинъюй заставил себя успокоиться, открыл дверь и занес таз. Умывшись, он забрался на кровать, но чувство тревоги не отпускало. Тело начало дрожать, и он невольно свернулся калачиком, обхватив себя руками. В конце концов, испугавшись не на шутку, он достал из-под кровати ингибитор и выпил его.

Среди ночи Ли Цинъюй резко проснулся. Жар не только не спал, но и усилился, затуманивая сознание и вызывая острую головную боль.

— Чэн Е... — позвал он, но голос прозвучал сухо и сипло, будто горло выжгло огнем.

Ответа не последовало, и Ли Цинъюй сквозь туман вспомнил: Чэн Е на вечеринке у Ли Цзянцзян, сегодня он не вернется.

Тем не менее, он первым делом позвонил Чэн Е. Трубку сняли быстро, и шум на заднем плане подтвердил, что Чэн Е в самом разгаре праздника.

— Алло? — раздался голос Чэн Е. Он переспросил несколько раз, — Тут очень шумно, подожди, я перейду в место потише.

Ли Цинъюй тихо промычал в ответ, и в этот момент из телефона донесся женский голос:

— А-Е, ты куда? Сейчас будем резать торт, возвращайся скорее!

Девушка говорила с кокетливыми нотками, и она назвала его А-Е. Даже Ли Цинъюй редко

называл его так.

С болезненной гримасой он сбросил вызов. Чэн Е перезванивал еще несколько раз, но Ли Циньюй не отвечал.

[СУ: Что случилось? Почему сбросил?]

[СУ: Ты вернулся в общежитие?]

[СУ: Ау, ответь.]

[СУ: Почему не берешь трубку?]

[СУ: Ответь немедленно.]

Чэн Е всегда был таким: если Ли Циньюй не отвечал, он продолжал писать и звонить, пока не добьется своего.

Ли Циньюй, не имея сил сопротивляться, ответил:

[Q: Все в порядке, случайно нажала не туда. Веселись. У меня телефон садится, все.]

Отправив сообщение, он выключил телефон. Сердце разрывалось от боли — как можно не переживать, когда любишь человека так долго? Слезы непроизвольно покатились по щекам. Он вспомнил, как перед университетом они жили в одной комнате, и однажды ночью, когда он заболел, именно Чэн Е на спине донес его до больницы. А сейчас комната была пуста, и он остался совсем один.

Пролежав еще немного, он понял, что жар стал невыносимым. Сюэ Дуннин предупреждал: если что-то пойдет не так, немедленно в больницу.

Он с трудом поднялся с кровати. На часах было 11:56. Чэн Е вряд ли вернется этой ночью. Ли Циньюй накинул куртку, схватил телефон с ключами и вышел.

В феврале в городе А уже не было зимних морозов, но ветер все еще пробирал до костей. У ворот университета он поймал такси:

— Мастер, в Первую больницу, пожалуйста.

Несмотря на внутренний жар, его била дрожь. Ли Циньюй натянул капюшон и сильнее закутался в куртку, жалея, что не оделся теплее.

— Приехали, — голос водителя вырвал его из забытья.

В свете больничных огней водитель заметил бледные, потрескавшиеся губы и неестественный румянец на лице парня.

— Парень, да ты горишь! Выглядишь совсем плохо, помощь нужна?

Ли Циньюй покачал головой:

— Спасибо, я сам дойду.

В приемном покое было немногочисленно. Медсестра за стойкой, измученная ночной сменой, не

поднимая головы, механически спросила:

— Что случилось? Какие симптомы?

Ли Цинъюй, не расслышав из-за шума в голове, промолчал. Медсестра нахмурилась и подняла глаза.

Перед ней стоял юноша в капюшоне, но даже так было видно необычайно красивое лицо: миндалевидные глаза, острый подбородок, неестественно алые щеки и бледные губы. Было очевидно, что он болен, но в то же время он выглядел до того трогательно, что у медсестры даже открылось второе дыхание. Она поправила волосы, выпрямилась и с искренним участием спросила снова:

— Здравствуйте, что вас беспокоит?

— Голова болит, в груди тяжело, жар, горло дерет.

Медсестра протянула термометр:

— Измерьте температуру, похоже на лихорадку.

Ли Цинъюй снял капюшон, и его красота произвела еще большее впечатление. Медсестра покраснела и, поддавшись любопытству, спросила:

— Какой у вас вторичный пол?

Ли Цинъюй закусил губу, не желая говорить, но в больнице врать было нельзя:

— Омега.

Услышав ответ, девушка немного разочаровалась, но тут же подумала, что это логично — за пять лет работы она еще не видела никого красивее.

Сидя в кабинете, Ли Цинъюй чувствовал себя креветкой на раскаленной сковороде. Сознание постоянно ускользало. Напротив него сидела женщина-врач в очках, на вид не старше тридцати. Движения ее были профессиональными и уверенными, а взгляд — то строгим, то удивительно мягким, когда она улыбалась.

Ли Цинъюй взглянул на бейдж: Бай Фань.

Имя показалось знакомым, но вспомнить, где он его слышал, не удалось.

— Недавно произошла дифференциация?

Ли Цинъюй кивнул.

Бай Фань, заметив его тревогу, успокоила:

— Не волнуйся, для твоего возраста это действительно поздняя вторичная дифференциация, так что начальные симптомы — это нормально. Температура 38,9, жар сильный. Я выпишу лекарства, сейчас поставим капельницу. Сиди здесь, не двигайся.

Ли Цинъюй, уже почти теряя сознание, лишь слабо кивал. Веки становились тяжелыми, он с

трудом удерживал голову, опираясь на стол.

За дверью слышались шаги.

— Обследование закончено? Как самочувствие? Все еще не спишь? Странно, по идее, начальные симптомы должны были пройти. Завтра придешь, я выпишу лекарства. У меня тут пациент с высокой температурой, так что не до тебя сейчас.

В полузабытьи Ли Цинъюй услышал, как его зовут. Он с трудом приоткрыл глаза и увидел Бай Фань:

— Ты же студент А-ского? Пришел в больницу один так поздно... есть кто-то из близких или однокурсников, кому можно позвонить?

Ли Цинъюй покачал головой, его голос звучал совсем сухо:

— Не нужно, я один.

Бай Фань возразила:

— Так не пойдет. С такой температурой нельзя оставаться одному.

Подбежала медсестра:

— Все готово, можно идти на капельницу.

Ли Цинъюй попытался встать, но ноги подкосились от слабости.

Бай Фань вздохнула:

— Молодежь, совсем себя не бережете. Напиши мне контактный номер, я сама позвоню.

Она обернулась и с удивлением произнесла:

— А ты почему еще не ушел?

Ли Цинъюй поднял глаза и в дверях увидел до боли знакомый силуэт. Высокий, без очков, с холодным, властным взглядом узких глаз.

Мужчина говорил ледяным тоном, но смотрел на него с нескрываемым жаром.

Он услышал, как тот отчетливо произнес:

— Не нужно никого искать, я его опекун.

<http://bllate.org/book/21235/2148491>